

УДК 811.161.1

К ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ
ПРОНОМИНАЛДЫК СЕМАНТИКАНЫН ПРОБЛЕМАЛАРЫНЫН ДИСКУССИЯСЫНА
TO THE DISCUSSION ON THE PROBLEM OF PRONOMINAL SEMANTICS

*Атакулова М.А. доктор филологических
наук, профессор ОШТУ*

Аннотация: В статье рассматриваются дискуссионные вопросы теории языка, вызванные своеобразием прономинальной семантики, и выявляется категориальное значение прономинальных единиц языка.

Аннотация: Макалада тил теориясындагы дискуссиялык прономиналдык семантиканын өзгөчөлүктөрү аркылуу келип чыккан суроолор каралып, прономиналдык бирдиктердин категориалдык маанилери талкууланды.

Annotation: The article discusses the controversial issues of the theory of language, caused by the peculiarity of the nominal semantics, and reveals the categorial meaning of the nominal units of the language.

Ключевые слова: прономинальная семантика, субституция, эгоцентричность, денотация, синхрония, диахрония.

Ачык сөздөр: прономиналдык семантика, субституция, эгоцентристтик, денотация, синхрония, диахрония.

Key words: nominal semantics, substitution, egocentricity, denotation, synchrony, diachrony.

Одной из специфических особенностей прономинативов языка является их семантика.

Местоименная семантика отвлеченна, универсальна и очень гибка.

Абстрактность семантики привела к тому, что теория местоимений стала узлом лингвистических противоречий. **Общелингвистические проблемы концентрированно и во всей сложности представлены в описаниях местоименных слов в языке.** Назовем и прокомментируем некоторые дискуссионные вопросы теории языка, вызванные своеобразием прономинальной семантики.

Неопределенность и отвлеченность местоименной семантики послужили основанием для постановки даже вопроса: **имеют ли местоимения вообще значение?**

Многие языковеды определяют местоимения как слова, лишенные собственного значения. По их мнению, **местоименные слова в языке выполняют только заместительную функцию.**

Значения местоимений определяются предметным содержанием тех слов, субститутами которых они являются.

Ясно, что **при таком подходе отрицается наличие у местоимений означаемого.** Получается, что они имеют только означающее. Означаемое, выходит, имеют только те слова, которые замещают местоимения.

Способность местоимения к замещению имени и других частей речи в тексте считается многими языковедами одним из его важнейших свойств (Л. Блумфилд, Л.В. Щерба, А.М. Щербак и др.).

Являются ли местоимения заместителями имени?

Отчасти на этот вопрос можно ответить положительно. Мы можем сослаться на школьный опыт, на жизненность «вопросной» методики при школьном грамматическом разборе. Вопросительные местоимения и члены их словоизменительной парадигмы служат универсальным средством определения принадлежности того или иного слова к частям речи, к типам словосочетания и к членам предложения, выступая в функции субститутов почти всех знаменательных частей речи. Иногда в методике преподавания русского языка местоимения *он, она, оно* используются для определения рода имен существительных на основе правила: если существительное допускает замену местоимением *он*, то оно мужского рода, если оно заменяется местоимением *она*, то относится к женскому роду и т.д.

Но такая методика слишком упрощает язык и процесс обучения языку. Она не работает на развитие интеллекта и речи школьников. Она не отвечает на вопрос о том, как же определяется статус самих вопросительных местоимений.

Субституция возможна и в тексте. Каждое местоимение в силу обобщенности своего значения может заменить определенное число неместоименных слов. Такая способность заложена в семантику любого местоимения, составляет его синтагмообразующий потенциал и нередко реализуется в разговорной речи. Но считать местоимения текстовыми субститутами именных частей речи невозможно.

Приведём небольшой фрагмент из произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина «Письма к тетеньке»:

Милая тетенька!

Помните ли вы, как мы с вами волновались? Это было так недавно. То расцветали надеждами, то увядали; то поднимали голову, как бы к чему-то прислушиваясь, то опускали ее долу, точно все, что нужно, услышали; то устремлялись вперед, то жались в сторонке...

(Собрание сочинений: В 10 томах. Том VII. - М.: Правда, 1988. с.273)

Мы здесь не отмечаем местоименные служебные слова *ли, то, как бы* и наречие *так*, а только собственно местоимения: *вы, мы с вами, это, к чему-то, ее, все, что*.

Ничто в данном случае не свидетельствует о том, что данные слова замещают какие-то другие слова.

Каждое местоимение использовано уместно, имеет свое место, своё значение и назначение. Невозможно восстановить какой-то другой текст-оригинал, где вместо местоимений были бы имена существительные. Такая попытка привела бы к созданию искусственного текста.

Может быть, местоименные словоформы *вы* и *вами* замещают существительное *тётька*? Попробуем заменить их существительным. В результате получим текст: *Помните ли тётька, как мы с тётькой волновались?* В обоих случаях нарушены содержание и логика высказывания. Некоторая интонационно-графическая трансформация текста может поправить содержание первой части фразы: *Помните ли, тётька, как...*, делая её осмысливаемой и понятной. Местоимение *мы* имеет инклюзивную семантику и включает в свое содержание значение «я+вы». В содержании местоимения *мы* сема «вы» присутствует скрыто, а в словоформе *вами* – явно. Иными словами, сема «вы» входит в значение местоимения *мы* имплицитно, оформлена эксплицитно в местоимении *вами*.

Есть основание говорить о семантическом плеоназме. В любом случае замена местоимений существительными приводит нас к потере смысла и нарушению логики передаваемого сообщения. Ещё большую бессмыслицу получим, заменив существительные местоимениями.

На основании изложенного мы не можем принять точку зрения, согласно которой местоимения выполняют в языке только заместительную функцию.

Считаем, что **заместительность является частным признаком местоименных слов**. Местоимения замещают другие слова только в определённых случаях и в определённых целях (во избежание повторения, для установления связи между сообщениями, для учебных целей и т.д.).

Другой подход к местоимённой семантике связан с именами таких лингвистов, как О.Есперсен, Р.Якобсон, А.Нурен, Р.Том и др. По мнению этих теоретиков языка, **местоимения как отвлечённые слова не имеют постоянную денотацию**, выступая в качестве «подвижных определителей» предметного мира, и поэтому правильнее отнести их к шифтерам.

Отсутствие устойчивой денотативной отнесенности составляет, безусловно, одно из важнейших следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения. Но такое следствие, как кажется, не доказывает изменчивости самого значения. Значение есть, существует. Но оно не такое, как, скажем, у имен существительных или прилагательных, более общее, гибкое. Причиной отрицания местоименного значения могло послужить представление о том, что значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста. Именно поэтому в речи встречаются частые ссылки на конкретизацию местоименного значения. **Местоименное значение формируется и осознается только в связной речи**. С этой точки зрения правы те лингвисты, которые считают их текстообразующую функцию ведущей. Нужно согласиться с мнением о том, что «конкретное значение местоимения получают только в связной речи». Можно высказать возражение по поводу такого понимания местоименной семантики, поскольку конкретное значение любого абстрактного слова проявляется в контексте и в связной речи. Даже киргизское слово *кък*, самое частотное и семантически прозрачное, получает конкретные значения в синтагме, в сочетании с другими словами: «трава» (+*чыкты*), «небо» (+*m\ карай*), «в трауре» (+*кийин*), «неуступчивый, настойчивый» (*m\нъз\+*), «зеленый» (+*чъп*), «голубой» (+*къз*), «неспелый, незрелый» (+*алма*), «спелый, зрелый» (+*кайналы*) и т.д. Оказывается, не только местоимения приобретают конкретное значение в связной речи, но и другие классы слов – имена существительные и прилагательные. Часто именно связная речь и контекст служат в качестве наполнителя содержания слова.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что идея об отсутствии у прономинального класса слов собственных значений еще недостаточно обоснована. Она нуждается в уточнении и дополнительной аргументации.

Ю.С.Степанов и Э.Бенвенист особо подчеркивают индивидуализирующую функцию личных местоимений *я* и *ты*, которые представляют отправителя и получателя речевой информации как **личность, взятую в ее единственности**. Вызывает возражение вывод Бенвениста о том, что местоимения не принадлежат языку и что они не имеют лексического значения. **В речи используется то, что есть в языке. В словаре фиксируется то, что является лексической единицей, имеющей соответствующее значение**. На этом основании считаем отдельные положения, высказанные Бенвенистом, произвольными и недостаточно аргументированными.

Местоименная семантика ориентирована на место говорящего в пространстве и времени. Указание отражает позицию производителя речи в координате «Я - не-я».

В ряде определений местоименного класса слов указывается на субъектный и субъективный характер использования прономинальной лексемы. В центре высказывания, по-видимому, стоит субъект - говорящее лицо. Его субъектное отношение к предмету высказывания, к реальному миру и обуславливает выбор того или иного местоимения. Так, по мнению М.И. Стеблина-Каменского, местоимения – это слова, выражающие отношение

говорящего к действительности, требующие уточнения в процессе речи по отношению к предмету речи.

Мысль о центральности говорящего в сфере речепорождения и первичности местоименных корней в языке высказывалась учеными неоднократно. К.Е.Майтинская приводит слова В.Таули, который отмечал, что категория местоимений выделялась в языке раньше других категорий слов, ее выделение предшествовало даже формальному разграничению глагола и имени. Такой же идеи придерживались кавказисты Н.Ф.Яковлев и Д.А.Ашхамаф: «Местоимения развиваются в языке раньше имени и глагола... Они появляются уже в аморфную эпоху развития языков, сначала просто, в качестве особого класса слов с обобщенным (абстрактным) значением».

В пространственной оси «Я - не-я» исходным является, естественно, говорящее лицо. Поэтому оно могло быть исходной точкой высказывания. В.Чермак считает, что в конечном счете любое языковое выражение восходит к выражениям пространственных восприятий и ориентаций, т.е. к местоименным словам в широком смысле слова, первые из которых передавали противопоставление примитивных представлений о дихотомии «Я – не-я». Постепенно усложняясь, данная дихотомия трансформировалась в дихотомии типа «здесь – там», «видимое – невидимое», «известное – неизвестное», «полное – пустое», «жизнь – смерть», «действие – пассивность» и т.д. Следы подобных преобразований можно найти как в примитивных, так и высокоразвитых языках.

Близкая к данной идее позиция представлена в трудах Ю.С.Степанова. По его мнению, вербальная коммуникация осуществляется в нескольких координатах. **Говорящий или пишущий человек является «ядром» всей системы языка.** Акт речи ориентирован на пространство-время, в центре которого находится тот, который производит речь. В соответствии с этим Ю.С.Степанов выделяет три координаты круга с центром «я». Из первоначальной системы координат акта речи «я – здесь – сейчас» развивается полная система лексико-грамматических единиц с пространственно-временным значением. Исходным моментом является лексико-семантическое противопоставление «Я – не-я», проявляемое как в диахронном, так и в синхронном плане.

Как видим, **местоименные слова вполне могут быть рассмотрены как исходные в диахроническом плане и как центральные в плане синхронии. Они являются ключевыми и с точки зрения говорящего в речевой деятельности, выражая его пространственно-временную ориентацию.**

Каждая часть речи имеет свое категориальное значение. Категориальным называется значение, которое присуще целому классу слов, обобщает и характеризует класс в целом. Категориальное значение имен существительных – предметность, прилагательных – признаковость, глагола – процессуальность, числительных – количественность, наречий – адвербиальность. Некоторые лингвисты считают, что местоимения обладают категориальными значениями других частей речи, не имея собственного. **Мы считаем эгоцентричность категориальным значением местоимений.** Местоимения в высшей степени эгоцентричны. Их семантика отвлеченна. А предметность, признаковость и др. являются частными категориальными значениями прономинальных лексем, характеризующими их типы и подтипы.

Языковые значения многотипны и многослойны. Выделяются лексические, грамматические, лексико-грамматические, категориальные, морфологические, синтаксические, словообразовательные, экспрессивно-стилистические и другие значения. Эти значения не имеют строгой классификации. Они не однопорядковые, не одноранговые. Нередко они действуют совместно, образуя семантические комплексы. Каким является местоименное значение в целом? На этот вопрос лингвисты отвечают по-разному. Одни языковеды называют местоименное значение лексическим, другие –

грамматическим. Третьи отказывают в признании за местоимениями каких бы то ни было значений, называя их асемантическим классом слов. Еще есть грамматисты, которые отмечают неустойчивость и изменчивость местоименной семантики.

Мы считаем, что каждое местоимение имеет лексическое значение, которое фиксируется лексикографически. Категориально-грамматическим значением местоименных слов является эгоцентризм, вокруг которого группируется все указательное поле.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. -М.: Наука, 1969.-308 с.
3. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 151 с.
4. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
5. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Наука, 1966. – 531 с.